

ПОЛИТИКА. КАВКАЗ

"Вопрос идентичности". Контроль над исторической памятью на Кавказе

Наталья Кильдиярова

менее минуты назад

В Нальчике. Архивная фотография

В Кабардино-Балкарии шестой год подряд запрещают шествие в день памяти жертв Кавказской войны, а участников неофициальных акций задерживают и арестовывают. Одновременно с этим академические ученые все чаще говорят о необходимости учитывать исторический опыт коренных народов. В то же время в Чечне власти одобряют переименование населенных пунктов, связанных с эпохой завоевания Российской империей. Редакция Кавказ.Реалии разобралась, как сегодня в регионе устроена политика памяти.

Для черкесов по всему миру 21 мая является одной из важнейших дат. В этот день вспоминают жертв Кавказской войны и массового изгнания адыгов в Османскую

империю. Траурные акции проходят в Турции, странах Европы, на Ближнем Востоке и в Северной Америке.

Однако в Кабардино-Балкарии власти вновь отказались согласовать шествие в Нальчике, которое черкесские активисты считают ключевой формой поминовения. За несколько дней до этой даты активистам начали вручать предостережения о недопустимости выхода на улицы. Несмотря на запрет, часть людей все же собралась на памятную акцию. После нее восемь человек были задержаны и впоследствии арестованы по административным статьям.

Запрет шествия действует с 2020 года. За это время власти объясняли ограничения сначала пандемией коронавируса, затем соображениями безопасности, а после начала полномасштабной войны против Украины, – политической обстановкой.

Накануне 21 мая в Российской академии наук обсуждали проблемы сохранения исторической памяти народов Северного Кавказа. На конференции доктор наук Касболат Дзамихов заявил о недопустимости "неоправданной героизации имен царских генералов-завоевателей" – чтобы избежать "конфликтотенный фактор".

Для черкесских активистов призывы к бережному отношению к прошлому прозвучали противоречиво: пока академическое сообщество требует учитывать трагедию горцев, чиновники запрещают главное траурное мероприятие.

Разрешена память, но не самоорганизация

Черкесские активисты в разговоре с редакцией Кавказ.Реалии отметили, что ограничения вокруг шествий уже сложно воспринимать как временную меру.

"Когда из года в год возникают одинаковые препятствия, а накануне памятной даты людей вызывают на профилактические беседы и предупреждают о последствиях участия в акции, это уже выглядит как сформировавшаяся политика", – говорит один из собеседников на условиях анонимности. По его мнению, власти готовы допускать только те форматы коммеморации, которые полностью находятся под государственным контролем.

Схожую оценку дает общественный деятель из Кабардино-Балкарии, чье имя мы не называем из-за рисков его преследования внутри страны. По его словам, после начала полномасштабной войны против Украины пространство для независимой гражданской активности в национальных республиках заметно сузилось.

“ Память о войне остается связанной с вопросами самоидентичности

"Если раньше чиновникам приходилось искать разные формальные причины для отказов, то теперь практически любой разговор заканчивается ссылкой на "СВО" и вопросы безопасности. Этот аргумент стал универсальным объяснением для

ограничений – будь то шествия 21 мая, мероприятия ко Дню черкесского флага или другие памятные даты", – говорит собеседник.

Он добавляет, что за последние годы у региональных властей сформировалась "жесткая и практически непробиваемая позиция" в отношении гражданской активности, связанной с национальной идентичностью.

"Сама возможность обсуждать что-либо с чиновниками постепенно исчезает. Если раньше еще можно было спорить, искать компромисс, обсуждать форматы, то сейчас решения чаще принимаются заранее", – указывает общественный деятель.

Для адыгов память о Кавказской войне связана не только с событиями XIX века, но и с судьбой миллионов потомков депортированных соотечественников. Именно поэтому тема остается глубоко личной и для зарубежной диаспоры.

Деятель черкесской диаспоры в Грузии, автор проекта Circassian Media Айдамир Казаноко считает, что речь идет не столько о запрете самой исторической памяти, сколько о желании властей контролировать общественную самоорганизацию.

"На мой взгляд, проблема не в трауре, а в том, что коллективная травма создает чувство общности и связывает прошлое с сегодняшним днем, превращая культурную идентичность в политическое самосознание", – говорит собеседник.

По словам Казаноко, шествие 21 мая представляет собой форму общественной инициативы "снизу", позволяющую людям самостоятельно выражать отношение к происходящему. Именно этим такие акции отличаются от официальных мероприятий с заранее определенным сценарием и регламентом.

"Для черкесов память о войне остается связанной с вопросами самоидентичности, единства и будущего народа. Поэтому ограничения способны изменить лишь формы ее выражения, но не саму память", – подчеркивает Казаноко.

Комментарии доктора исторических наук Касболата Дзамихова о героизации царских генералов-завоевателей активисты называют необычными для современного государственного дискурса в России.

“ Запрет на подобные мероприятия в XXI веке выглядит странно

По словам одного из собеседников, еще несколько лет назад подобные тезисы со стороны представителей академической науки трудно было даже представить.

"Внутри системного поля постепенно появляется понимание того, что для народов Кавказа эта история выглядит иначе, чем в российском имперском нарративе", – говорит на условиях анонимности черкесский общественный деятель.

При этом власти по-прежнему готовы обсуждать тему Кавказской войны скорее в стенах институтов, чем допускать вокруг нее свободную общественную дискуссию. На это обращает внимание и Айдамир Казаноко. По его мнению, государство все чаще вынуждено реагировать на настроения в обществе.

"Когда историческую память становится сложно удерживать исключительно запретами, ее начинают институционализировать и частично встраивать в систему на официальном уровне", – отмечает он.

По словам собеседника, российское государство не стремится полностью вытеснить эту тему из публичного поля, а пытается перенести ее в академические дискуссии и другие контролируемые форматы. Однако, подчеркивает Казаноко, запрос на честный разговор о войне никуда не исчезает.

"Тенденция последних лет показывает: надежды, что со временем этот вопрос станет менее острым, не оправдываются. Происходит обратное. Социальные сети наглядно демонстрируют представителям разбросанного по миру народа, что они далеко не одиноки в своих переживаниях и взглядах", – заключает активист.

Черкесы на одном из памятных мероприятий, фото из архива

Почему в Чечне можно?

Пока в Кабардино-Балкарии ограничивают публичные формы скорби, власти Чечни поддержали переименование нескольких населенных пунктов, чьи названия ассоциировались с эпохой царского завоевания региона.

Эта инициатива вызвала резкую [полемику](#). Критики реформы заявили о попытке стереть память о русском населении, тогда как ее сторонники указали на возвращение исконных топонимов, существовавших до прихода империи.

По словам чеченского историка Майрбека Вачагаева, многие селения получили нынешние имена в период продвижения царской армии и потому воспринимаются местными жителями не как нейтральная география, а как символы завоевания. При этом исторические названия сохранялись в повседневной речи чеченцев вопреки десятилетиям официальной политики.

По мнению Вачагаева, возможность открыто пересматривать подобное наследие сегодня есть фактически только у Грозного. "Только [глава Чечни Рамзан] Кадыров может себе это позволить", – говорит историк, связывая такую автономию с особым

положением чеченского руководства в отношениях с федеральным центром. Другие республики Северного Кавказа подобной свободой действий не обладают.

Комментируя запрет шествий в Нальчике, Вачагаев предполагает, что инициатива ограничений исходит прежде всего от местных властей, стремящихся избежать любого недовольства Москвы. При этом, подчеркивает собеседник, речь идет не о политической акции, а о дне памяти и скорби, посвященном одной из крупнейших катастроф в истории черкесского народа.

"Люди вспоминают свою трагедию. Они не делают политических заявлений, не нарушают порядок и закон. Поэтому запрет на подобные мероприятия в XXI веке выглядит странно и труднообъяснимо", – заключил Вачагаев.

- Из-за Кавказской войны, продолжавшейся до 1864 года, и массовой депортации черкесов в Османскую империю на исторической родине осталось всего около пяти процентов представителей черкесского народа. В нынешнее время черкесы [проживают](#) в более чем 50 странах мира. Самая многочисленная черкесская диаспора – до трех с половиной миллионов человек – живет в Турции. Единственной страной, признавшей геноцид черкесов, на сегодняшний день является Грузия.
- В ноябре Верховный суд Кабардино-Балкарии оставил в силе решение нижестоящей инстанции, [отклонившей жалобу черкесского активиста](#) Алика Шашева на отказ властей в согласовании шествия 21 мая. В прошлом году его запретили якобы из-за "высокого уровня террористической угрозы".

Кавказ.Реалии в
Instagram

Кавказ.Реалии в
YouTube

Кавказ.Реалии в
Telegram

